

УДК 811.112

АНТИКОНЦЕПТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПАРТОНИМИЧЕСКОЕ, СТИГМАТИЧЕСКОЕ, ЭССЕНЦИАЛЬНОЕ

А.Н. Приходько (Днепропетровск, Украина)

А.Н. Приходько. Антиконтцепт как лингвокультурный феномен: партонимическое, стигматическое, эссенциальное. В статье рассматриваются концептуальные единицы лингвокультуры, семантика которых задается идеей антиценности. Выделяются и описываются партонимические, стигматические и эссенциальные антиконцепты с последующим их анализом на предмет соотносительности с положительно маркированным ментальным противочленом и/или с некоторой вышестоящей интегральной идеей. Далее идут размышления о степени негативной интерпретации антиконцептов в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: лингво- и этнокультура, концепт, антиконцепт, мезоконцепт, дуальная монада, этнономинация, дискурс.

А.М. Приходько. Антиконтцепт як лінгвокультурний феномен: партонімічне, стигматичне, есенціальне. У статті розглядаються концептуальні одиниці лінгвокультури, семантика яких зумовлюється ідеєю антицінності. Виокремлюються й описуються партонімічні, стигматичні та есенціальні антиконцепти з наступним аналізом на предмет співвіднесеності з їхнім позитивно маркованим протичленом і/або з деякою вище зазначеною інтегральною ідеєю. Далі йдуть міркування про ступінь негативної інтерпретації антиконцептів у різних лінгвокультурах.

Ключові слова: лінгво- и етнокультура, концепт, антиконцепт, мезоконцепт, дуальна монада, етнономіація, дискурс.

A.N. Prykhodko. Anticoncept as lingvocultural phenomenon: partonymy, stigmata, essentiality. This article deals with conceptual linguocultural units, which semantics includes the idea of anti-value. Partonimic, stigmatic and essential anticoncepts with their further analysis concerning correlation with positively marked mental antimember or superior integral idea are discussed in this article. Ideas about negative interpretation of anticoncepts in different linguocultures are viewed.

Keywords: linguistic and ethnic culture, concept, anticoncept, mezoconcept, dual monad, ethnonomination, discourse.

1. Введение. Объектом внимания настоящей статьи выступает концепт – ментальный феномен, понятийное начало которого, проходя через сито этнопсихологической оценки, органично соединяется с лингвокультурным, в результате чего предстает как валоризованное понятие лингво-психо-социо-

культурного порядка. В основном эта мысль относится к концептам, наделяемым положительной оценкой (ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ДОБРО, РОДИНА, СЛАВА, ГЕРОЙ и пр.). Но поскольку рядом существует ряд ментальных единиц с отрицательной оценкой, именуемых почему-то тоже концептами (ср. ВАМПИР [Онищук 2006], ГРЕХ [Ваховська 2010; Козина 2007], ДУРАК [Бусурина 2004], ДЬЯВОЛ [Передриенко 2006], ЗАВИСТЬ [Ермакова 2000], ЛИЦЕМЕРИЕ [Храмова 2010], ЛОЖЬ [Морозова 2006], ВОРОВСТВО [Павлова 2009], ОСКОРБЛЕНИЕ [Кусов], ПОЗОР [Русина 2008], ПРЕСТУПЛЕНИЕ [Данилов 2005], ПРЕСТУПНИК [Горобець 2007], СМЕРТЬ [Грабарова 2001], СТРАХ [Борисов 2005; Заикина 2000], СТЫД [Малахова 2009], ТЕРРОРИЗМ [Жулавська 2011; Семенчук 2010], ТОСКА [Димитрова 2001], ЗАВИСТЬ [Несветаилова 2010] и др.), есть основания обратиться не только к уточнению их лингвистического статусу, но и к их осмыслению на предмет характера валоризации, степени универсальности, типологической гомогенности, а также к определению алгоритма их соотнесенности с собственно концептами. Из этого вытекает основная цель работы – выяснение лингвистического статуса антиконцепта.

Как известно, дискретизация концептов под углом зрения аксиологической семантики допускает их противопоставление по принципу позитива и негатива, поскольку концептуальный корпус языка формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус, что наблюдается в различных областях знания, где постоянно возникают понятия, фиксируемые, например, с помощью суффиксоида -анти: *мир – антимир, материя – антиматерия, герой – антигерой, радар – антирадар, циклон – антициклон, ген – антиген, семит – антисемит, фашист – антифашист, симпатия – антипатия* и др.

Концепт и антиконцепт противопоставлены друг другу на основе оценки: первый представляет собой ментальную единицу, отражающую определенную ценность для лингво- и этнокультуры, вторая – ментальную единицу, отражающую определенную антиценность. При этом оба феномена имеют не только существенные различия, но и точки соприкосновения.

Во-первых, ценность – важность, значимость, полезность чего-либо – формируется на основе субъективной оценки конкретных свойств объекта, вовлеченных в сферу общественного бытия человека (человек в них заинтересован или испытывает потребность), ср.: "ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать ("антиценность") удовлетворению какой-либо потребности субъекта" [Воркачев 2011: 69].

Во-вторых, и ценность, и антиценность изменчивы в пространстве и времени, а потому способны варьироваться в зависимости от типа оценки (общей, гедонической, психологической, эстетической, этической, утилитарной). Поэтому в отдельных случаях ценность и антиценность способны меняться местами, а точнее – менять свою полюсность (от эпохи к эпохе, от культуры к культуре или от одной социальной страты к другой), но при этом

в дискурсивной деятельности антиценности и, соответственно, антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

В-третьих, концепт и антиконцепт чаще всего находятся друг с другом в отношениях антипода, позиционируясь на аксиологической шкале на противоположных векторах, а потому выступают по отношению друг к другу как "противовес", "противочлен", "контрагент", "коррелят" (ср.: концепт – позитивный коррелят антиконцепта; антиконцепт – негативный коррелят концепта).

В-четвертых, типологически оба феномена могут быть универсальными, этноспецифическими и индивидуальными ("идиоконцепт").

В-пятых, и концепт, и антиконцепт отражают диалектику единства и борьбы противоположностей, а именно мысль о том, что позитив и негатив сосуществуют, отражая череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым как бы самоорганизуются. Эта истина представлена хоть и в смеховом, но в весьма наглядном виде на рисунках 1 и 2, которые предлагают визуально-идеализированную репрезентацию концепта ПОРЯДОК (ментальная единица со знаком "плюс") и антиконцепта БЕСПОРЯДОК (ментальная единица со знаком "минус"). Мысль о некотором третьем – ХАОСМОСЕ – никогда не была чужда обыденному сознанию на разных этапах его биовитального развития (по-видимому, рис. 1 применим к идеализированному сознанию ребенка, а рис. 2 – к карнавальным фантазиям взрослого).

Рис. 1

Поиск интегрального и дифференциального между концептами и антиконцептами может и должен быть продолжен. На сегодняшний день известно, что в одних случаях антиконцепт трактуется как антоним имени другого концепта [Воркачев 2007: 51; Пономарева 2008: 19; Приходько 2008:

100], а в других – как "семантический противочлен концепта" [Воркачев 2011: 71]. Несколько иной размышляет Ю.С. Степанов, считая его "концептом, противопоставленным какому-то другому концепту": если концепт является формой выражения содержания, то антиконцепт – формой несогласия с ним, формой протеста [Степанов 2007: 20–21]. Он отмечает, что антиконцепт не всегда несет в себе нечто обратное хорошему.

Рис. 2

В нашем понимании *антиконцепт* являет собой лингво-психо-социокультурный феномен, объективированный языковыми средствами, который отражает определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. При этом антиценность может быть противопоставлена ценности, и тогда обе они оказываются репрезентантами некоторой вышестоящей идеи, но может быть и не противопоставлена, а существовать как бы сама по себе, вне такой вышестоящей идеи.

2. **О типологии антиконцептов.** Обращение к проблематике противопоставленности концептов логично потому, что она выводит исследовательскую мысль на несколько иной уровень обобщения – на закон единства и борьбы противоположностей, с одной стороны, и на проблему смены социодискурсивных формаций, – с другой. Но есть еще и третья сторона – т. н. "диссидентство в семантике", имеющее своей целью сделать более прозрачным знак путем его отрицания [Воробьева 2012]. Такое обращение сопряжено с выделением в объекте анализа, по крайней мере, двух предметных сфер: антиконцепт как часть некоторого целого и антиконцепт как некая автономная сущность. В зависимости от степени выраженности этих параметров можно различать партонимические (меронимические), стигматические и эссенциальные антиконцепты.

2.1. *Партонимический антиконцепт* отражает идею единобытия с другим концептом, с которым он образует своеобразную дуальную монаду, вписываясь вместе с ним в фундаментальный принцип мироустройства, предполагающий единение противоположностей со знаками "плюс" и "минус" – например, доброго и злого, темного и светлого, возвышенного и низменного, мужского и женского.

Исходным здесь должно быть понимание того факта, что концепт и антиконцепт – это не всегда антонимическая пара, а некий тесно сопряженный ментальный конструкт, восходящий к обобщающей идее – *мезоконцепту*, в котором присутствуют оба начала, в силу чего он задает разнонаправленные векторы ценностных ориентиров. Мезоконцепт – это некоторая вышестоящая идея, некая надсистема-контролер, включающая в себя ценность и ее антипод (ср. ГЕРОЙ и ТРУС, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ). Но, например, МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА или СТАТИКА и ДИНАМИКА не могут быть в отношениях концепта и антиконцепта (кто из них кто или что и них что?), как не могут быть в таких отношениях *антиномия*, *антифриз*, *антипод*, *антиципация*, *антибиотик*. Если концепт – это ценность со знаком плюс, а антиконцепт – ценность со знаком минус ("антиценность"), то мезоконцепт – инстанция, в которую они оба вовлекаются на равных долях. Речь идет о некотором третьем противочлене, включающем в себя черты и концепта, и антиконцепта и являющимся точкой отсчета, своеобразным *tertium comparationis*, по которому сверяют концепт и антиконцепт.

Анализируя концепт MAGIC и антиконцепт GLAMOUR, Т.Б. Ларина принимает за точку отсчета мезоконцепт-инвариант ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ (в ее терминологии "метаконцепт"). Главным критерием идентификации концепта и антиконцепта она считает факт внешней включенности базовых признаков концептов в одни и те же понятийные, образные и ценностные сферы при одновременной внутренней оппозитивности этих признаков [Ларина 2011: 9]. Нельзя не согласиться с М.Б. Лариной и в более частных, но не менее важных критериях обозначенной корреляции, при которых:

- мезоконцепт – концептополе, внутри которого концепт и антиконцепт маркируют полюса "+" и "-" (ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ = КП "состояние человека", МИР – ВОЙНА = КП "общественные отношения"), ХОЗЯИН – РАБ (КП "социальный статус");

- мезоконцепт – определенная идея, в которой осуществляется противопоставленность по ценностным шкалам "хорошо – плохо" (ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС), "красиво – некрасиво" (КРАСОТА – УРОДСТВО), "истинно – ложно" (ПРАВДА – ЛОЖЬ), "внутреннее – внешнее" (ТЕРПИМОСТЬ – НЕТЕРПИМОСТЬ, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ), "сакральное – профанное" (ДУША – ТЕЛО);

- мезоконцепт – некая мифопоэтическая инстанция, в которой имеет место контрарная противопоставленность темных и светлых сил (БОГ – ДЬЯВОЛ, ВОЛШЕБНИК – КОЛДУН, ВЕДЬМА – ФЕЯ, БАБА ЯГА – ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ / ПРЕМУДРАЯ, БАРМАЛЕЙ – АЙБОЛИТ и пр.).

В рамки обозначенных критериев четко вписывается и тот факт, что негатив и позитив сосуществуют в виде антиномий / диад (ДОБРО – ЗЛО, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ, ГОРДОСТЬ – СТЫД, ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, СЛАВА – ПОЗОР, ВЕЛИКОДУШИЕ – ЗАВИСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, СВЕТ – ТЬМА, РАЙ – АД, ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС и т.д., что дает право говорить о бинарности и противопоставленности как о двух основных принципах упорядочения концептокорпуса. В таких оппозициях происходит распределение векторной семантики: один ее член предполагает отрицание того, что обозначает второй.

Говоря о диаде ДОБРО – ЗЛО, С.Г. Воркачев подчеркивает, что они являются результатом гипостазирования аксиологической оценки [Воркачев 2011: 72]. В этом как раз и проявляется склонность некоторых концептов объективироваться через рядоположенные единицы: нельзя понять ДОБРО без ЗЛА, МИР без ВОЙНЫ, а ПОРЯДОК без БЕСПОРЯДКА. Последняя диада, наглядно изображенная на рис. 1 и 2 в виде крайнего, гипертрофированного представления об упорядочении неупорядочиваемого, отражает идею *дуальной монады*: порядок в беспорядке и/или беспорядок в порядке, т.е. некий постмодернистский ХАОСМОС. Дуальные монады – это особый случай совмещения несовместимого: некая общая когнитивно-ассоциативная область полностью поглощает понятийно-валоративные сферы двух разновекторных концептов. Именно такие совмещения позволяют языку вырабатывать различные парадоксальные фигуры речи – метафоры, оксюмороны, синестезии. Рассуждая о концептуальных диадах, "сжатых" в фигурах типа "упорядоченный хаос", "живое неживое", "светлая тьма" (ср. "существо, созданное из лоскутьев Света, сшитых нитями Тьмы"), А.С. Колесник говорит об объединении неких взаимно противоположных сущностей, вызванных амбивалентным характером концептуальной аксиоматики [Колесник 2012: 12].

Наличие в лингвокультурах бинарно организованных концептуальных пар натолкнула С.Г. Воркачева на мысль о том, что неудачная во многих отношениях (особенно в плане перевода на другие языки) номинация "концепт" может быть заменена термином *идея*. Он пишет: "Идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с "тезисом" в ней содержится и "антитезис", вместе с "концептом" и "антиконцепт". Идея успешности судьбы (счастья), например, неотделима от несчастья, справедливости – от несправедливости, патриотизма (национализма) – от космополитизма" [Воркачев 2007: 53]. Поскольку термин "идея" все-таки является занятым в других отраслях гуманитаристики, возможной представляется его более удачная модификация в виде компромиссного термина "*концепт-идея*" [Путий 2011].

Антиконцепт-партоним является отрицательно "заряженной" частью определенной концептуальной диады, в которой он противостоит некоторой положительно "заряженной" части – собственно концепту. Отражая

оппозитивные представления об общей конфигурации мира в его статике и динамике, партономически соотнесенные концепт и антиконцепт выступают антиподами, противопоставленными друг другу в рамках общей для них идеи, воплощаемой в мезоконцепте – третьем противочлене, существующем в языковом сознании в виде некоторой вышестоящей идеи. Таким образом выстраиваемая система "концепт – антиконцепт – мезоконцепт" в определенном смысле отражает гегелевскую триаду "тезис – антитезис – синтез", которая постулирует диалектический закон единства и борьбы противоположностей: за троичностью скрывается бинарность, а за бинарностью – троичность.

2.2. *Стигматические антиконцепты* (концепт-клеймо, концепт-ярлык) связаны с антропофактором, с бытованием в лингвокультуре ментальных единиц, не имеющих видимой привязки к какому-либо положительно заряженному концепту-корреляту. Подобно своим партономическим сородичам, они также отражают двойственный характер окружающей действительности – реальной или вымышленной, как в "Песни антиподов" В. Высоцкого:

*Мы – антиподы, мы здесь живем,
У нас тут анти-анти-анти-антипаты.
Стоим на пятках твердо мы и на своем,
Кто не на пятках, те антипяты.
Но почему-то, прилетая впопыхах,
На головах стоят разини и растяпы,
И даже пробуют ходить на головах,
Антиребята, антимамы, антипапы.*

Чаще всего негативными ментальными коннотациями наделяются **этнокультурные антропономинации**, в которых актуализируются такие далеко не лучшие человеческие качества, как невежество, хамство, корыстолюбие, аморальность, слабоумие, пьянство, лень, криминал и др. Ими наделяются люди противоположных свойств, вкусов или убеждений. Ср.:

- рус. ЧИНОВНИК, ДУРАК, ПОДХАЛИМ, ОТМОРОЗОК, РАСТЯПА, ДЕБОШИР, БОЛВАН, МОЛОКОСОС, СТРАХОЛЮДИНА, ЛОВЕЛАС, КРЕТИН, НЕУЧ, НЕВЕЖА, ПОВЕСА, ТУПИЦА, БЕЗДАРЬ, ЛИЦЕДЕЙ, ПРОХИНДЕЙ, ЗЛОДЕЙ, НЕГОДЯЙ, МЕРЗАВЕЦ, ПРОСТОФИЛЯ, УРОД, СТУКАЧ, ПРЕДАТЕЛЬ, РАСТЯПА, ЖУЛИК, ШУЛЕР, МОШЕННИК, ВОР, СТЕРВЕЦ, БИРЮК, ЖИРТРЕСТ, ВЕРСТА КОЛОМЕНСКАЯ, НЕЧИСТЬ, ИЗГОЙ, СЛЮНТЯЙ, КИКИМОРА, ШАЛОПАЙ, ХАНЖА, СТЯЖАТЕЛЬ, ВЕТРОГОН, ПЛУТ, АНТИХРИСТ, МИРОЕД, КРОВОПИЙЦА, ХАЛЯВЩИК, ПУСТЕЛЬГА, ПРОФАН, БЕЗДЕЛЬНИК, ТУНЕЯДЕЦ, ПРОХОДИМЕЦ, ИЗВРАЩЕНЕЦ, УБЛЮДОК, АЛКОГОЛИК, ШЛЮХА, СТЕРВА, ЧУДОВИЩЕ, МОНСТР, ПУГАЛО, ДЕБИЛ и др.;

- англ. TOADY, LICKSPITTLE, BOOTLICKER, SYCOPHAN, DOLT, LAMEBRAIN, CHUMP, DUNCE, FOOL, NINCOMPOOP, KNUCKLEHEAD, DIMWIT, NERD, NUMBSKULL, THICKHEAD, MUDDLER, DUNDERHEAD, BUNGLER, ROWDY, DEBAUCHEE, BLOCKHEAD, DIMWIT, SUCKER, SCARECROW, LOVELACE, WOMANIZER, BOOR, CHURL, BOTCHER, HYPOCRITE,

DISSEMBLER, ROGUE, SCAPEGRACE, SWINDLER, DODGER, VILLAIN, MISCREANT, MALEFACTOR, STINKER, SIMPLETON, TRAITOR, BETRAYER, TURNCOAT, BLUNDERER, SHARPER, TRICKSTER, THIEF, PILFERER, LONER, RIFFRAFF, SCUM, VERMIN, DITHERER, MILKSOP, MOLLYCODDLE, FRIGHT, OLD HAG, GOOD-FOR-NOTHING, SCAPEGRACE, LOAFER, GRABBER, FRIVOLOUS, CHEAT, SWINDLER, KNAVE, BLACKMAILER, FREELoader, MOOCHER, LAYMAN, RASCAL, BASTARD, TOPER, TIPPLER, DRUNKARD, WHORE, SLAG, BROAD, BITCH, MONSTER, SCARECROW, MORON и др.;

- нем. ALKI, AMOKLÄUFER, ARSCH, DIEB, DRECK, DUMMKOPF, FEIGLING, GANGSTER, GAUNER, GESINDEL, HALUNKE, HANSWURST, HAUDEGEN, HENKER, BLÖDE KUH, HURE, HURENBOCK, KRIMINELLER, MIESEPETER, MIST, MISTVIEH, MÖRDER, NAZI, NICHTSNUTZ, NUTTE, POP(P)EL, RAUFBOLD, SAUEREI / SCHWEINEREI, SAUKERL / SCHEISSKERL / MISTKERL, STINKER, VERLOGENER SCHWEINEHUND, SCHARLATAN, SCHLAMASSEL, SCHLAMPE, SCHUCHTEL, SCHUFT, STASI, TROTEL, VERBRECHER, VERGEWALTIGER, VERRÜCKTER, (VOLL)IDIOT и др.

Стигматические ментальные единицы концентрируются на человеке внешнем и человеке внутреннем с явным креном в сторону последнего, так или иначе затрагивая нарушителей основных заповедей (Не убий! Не укради! Не прелюбодействуй и пр.). Сам процесс объективации человека порочного во всей палитре его слабостей, изъянов и недостатков предполагает деление концептов на три рубрики – мужские, женские и гендерно индифферентные. Вероятно, положительным противовесом таких единиц можно признать некий обобщенный образ, усредненный типаж человека правильного / праведного. Однако для выстроенной оппозиции "человек праведный – человек порочный" вряд ли возможно подобрать соответствующий мезоконцепт, который, вобрав в себя оба противочлена, стал бы для них некоторой третьей точкой отсчета.

Другой разновидностью стигматических антиконцептов являются те, что воплощены в *этнономинациях* – экзо- и эндоэтнонимах. Первые отражают стереотипные представления одних народов в глазах других (ПРУССАК, КАЦАП, МАКАРОНИК, OSTFRIESE (нем. "чукча"), SCHLAWINE (нем. "пройдоха"), YANKEE (прозвище американцев), ARKIE (прозвище австралийцев), которые на поверку оказываются именами с отрицательной оценкой. Вторые являются внутриэтническими названиями одной части народа другой (нем. WESSI и OSSI, укр. МОСКАЛЬ и ХОХОЛ). Но все они имеют свой эксплицитно выраженный положительный (нейтральный?) коррелят в виде, по крайней мере, официальных этнономинаций. Аналогичное касается и стереотипизации образа страны – как своим, так и другими народами (этнотопонимы).

В определенном смысле стигматический антиконцепт актуализируется там, где возникают определенные противоположности в антропосфере – например, применительно к людям с иными свойствами, взглядами, убеждениями, вкусами, т.е. с отклонениями от усредненного эталона. Наивное языковое сознание, вырабатывая номинации для маркирования разных сторон человека неправильного, ориентируется на некоторый обобщенный идеал человека правильного, мало заботясь о вербальной диверсификации его ликов, образов,

типов. Отсюда явная количественная и качественная асимметрия в средствах вербальной фиксации двух главных ипостасей человека: будучи консервативно скупым при вербальной объективации человека правильного, это сознание оказывается весьма изобретательным в изображении человека неправильного. При этом "разбег" использования стигматических антиконцептов происходит в амплитуде от укоризненных до откровенно обценных речевых актов.

Крайним случаем стигматического использования лингвокультурного кода являются *обценные антиконцепты*, объективируемые своеобразными стилистически маркированными (вплоть до невхождения в словари) лексическими единицами, связанными с нарушением табу. Как правило, в языке обценизмы заданы списком, ядро которого составляют несколько общеизвестных корней, а периферия оказывается размытой [Левин 1998: 809]. Использование таких концептов в дискурсивных практиках является одновременно и поступком, и действием, что придает соответствующему высказыванию характер перформативности.

В стигматическом пространстве лингвокультуры обценные единицы бытуют устойчиво и прочно, что обусловлено преемственностью определенных социальных конвенций. Но большая часть "стигматов" такой прочностью не обладает. Оперативно реагируя на потребности дня, лингвокультурное сознание предлагает готовые упаковки для вновь появляющихся смыслов (НОВЫЙ РУССКИЙ, КИДАЛА, ОТМОРОЗОК, МАЖОР, РЕЙДЕР, ЛИМИТА) или для смыслов, которые следует "подретушировать" (ср. англ. новояз "economically disadvantaged" вместо POOR, "excluded from the normal circles of economic activity" вместо VERY POOR, "substandard housing" вместо SLUMS, "horizontally challenged people" вместо FAT PEOPLE [Никонов 2008: 201]). Но смягчение концепта совсем не означает его изъятие из социокультурного оборота. Изъятия осуществляется гораздо медленнее, чем включение. Вероятно, этим объясняется тот факт, что язык какое-то время по инерции сохраняет концепты, актуальность которых утрачена для лингвокультуры (АФРОНТ, АСПИД, СУПОСТАТ, ФАНФАРОН, САТРАП).

2.3. *Эссенциальные антиконцепты*, в отличие от стигматических, бытуют не в антропосфере, а в "фактосфере", не теряя при этом своей значимости для жизненного мира человека. К ним относятся как абстрактные (ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, АВОСЬ, ДОСАДА, ХАМСТВО, ПОДЛОСТЬ), так и сущности, сфокусированные на некоторой конкретике (ОТКАТ, ДЕРИБАН, ВЗЯТКА, КОРРУПЦИЯ). Аналогично в американской (INTERFERENCE, OPPRESS, SEXISM, VIOLATION, REDNECK, THEFT, BRIBERY, WAR, CRIMINAL, SEXUAL HARRASSMENT [Харитоновна 2008]), в немецкой (CHAOS, UNPÜNKTLICHKEIT, MIBHANDLUNG), во французской (CITÉ, VIOLENCE, CHÔMAGE, FRACTURE SOCIALE) ЯКМ. Однозначно отрицательными в большинстве лингвокультур являются ДЕПРЕССИЯ, СТРЕСС, НЕТЕРПИМОСТЬ, а также разного рода ФОБИИ. Подобно стигматическим, эссенциальные антиконцепты не имеют своего прямого противочлена с положительной оценкой.

В контексте наличия / отсутствия положительного противочлена представляется противоречивым понимание антиконцепта Е.И. Гуреевой, которая считает его результатом особого развития исходного концепта, своего рода усложненным концептом, не всегда прямо противопоставленным исходному, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые значимые концептуальные признаки (при сохранении других) и замещаются новыми [Гуреева 2007: 18]. Во-первых, не всегда можно найти "исходный" концепт и не всегда можно считать его имплицитным (что может быть исходным для ТОСКИ или ДОСАДЫ?). Во-вторых, непонятно, как одни концептуальные признаки могут сниматься и замещаться другими (что снято у ВЗЯТКИ, у ХАОСА, у ЧИНОВНИКА?). Если для амер. POLITICAL INCORRECTNESS существует положительный контрконцепт POLITICAL CORRECTNESS, для нем. UNPÜNKTLICHKEIT – PÜNKTLICHKEIT, а для рус. БЕДНОСТЬ – БОГАТСТВО, то для АВОСЬ или ДЕРИБАНА весьма трудно представить себе какой-либо позитивный противочлен.

Видимое или мнимое отсутствие положительного противовеса является определяющей чертой стигматических и эссенциальных концептов. Однако их четко выраженный отрицательно-оценочный окрас не исключает существования некоего полюса, который, по-видимому, входит в сферу "норма". Так, положительно маркированным членом оппозиции, условно обозначенной как "Z = ХАМ", возможно, выступает идея о человеке (Z), поведение которого не выходит за рамки установленной социальной нормы.

Вероятно, в зависимости от наличия или отсутствия положительного противочлена целесообразно говорить об антиконцептах с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом. Так, партономические антиконцепты имеют эксплицированный положительный коррелят, стигматические чаще всего такого коррелята не имеют (или он скрыт от непосредственного наблюдения), тогда как эссенциальные могут частично соотноситься с имплицитным положительным противочленом, а частично не иметь его вообще.

3. Степень отрицательной интерпретации антиконцепта представляет особую проблему. Она может быть индивидуальной и коллективной, этноспецифической и наднациональной, однозначной и неоднозначной, высокой и низкой по силе и т.д.

Некоторые антиконцепты имеют общекультурную основу (АГРЕССИЯ, ТЕРРОРИЗМ, НЕТЕРПИМОСТЬ (ср. англ. intolerance, фр. intolérance, нем. Intoleranz, исп. Intolerancia). При этом один и тот же мультикультурный концепт может нести положительный заряд в одном языке (укр. ІНОЗЕМЕЦЬ, рус. ИНОСТРАНЦЕ) и отрицательный в другом (брит. – FOREIGNER, фр. LES ÉTRANGERS /non régularisés/, исп. EXTRANJERO), как, впрочем, и быть аксиологически нейтральным в третьем (нем. AUSLÄNDER). Наоборот, концепт COURT является положительным в американской картине мира, а его русский и украинский эквиваленты (СУД) – отрицательным, а также положит. в англ. AMBITIOUS

'амбициозный, тот кто стремиться к профессиональному росту' является отрицательным в нашей культуре. Или другое: ДОНОС считается позорным актом у нас, а его немецкий аналог ANZEIGE и более зловещий вариант DENUNTIATION – вполне нормальным в Германии. Аналогичное касается и ИНДИВИДУАЛИЗМА, положительно маркированного в британской, американской и французской ЯКМ, отрицательно – в русской, украинской, испанской, где он ассоциируется с эгоизмом, и довольно невыразительно объективируется в немецкой.

Более того, в рамках одной культуры наблюдаются и случаи разного отношения к одному и тому же концепту. Например, к нем. FORMULAR можно иметь страсть, его можно игнорировать или даже ненавидеть (ср.: *Von der Wiege bis zur Bahre – Formulare, Formulare / От рожденья и до смерти – бланки, бланки*), но сегодня немцы не могут сделать и шага, не заполнив какой-нибудь формуляр. По-разному оцениваются такие сугубо этноспецифические концепты, как GLORY и DISGRACE [Русина 2008], БЛАТ (нем. VITAMIN B), КУМОВСТВО, КАНЦЕЛЯРИЯ, НОМЕНКЛАТУРА, ХРУЩЕВКА, отношение к которым неоднозначное. Это отношение может различаться даже в рамках одного общества – как, например, полярно противоположные оценочные рефлексии в украинской культуре к концептам ПОМАРАНЧЕВА РЕВОЛЮЦІЯ, МАЙДАН, КРАСНОЕ ЗНАМЯ и др.

В некоторых случаях совокупные семантические отличия концепта и "антиконцепта" (СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ, НАДЕЖДА – ОТЧАЯНИЕ, ЧЕСТЬ – ПОЗОР, РАДОСТЬ – ПЕЧАЛЬ) количественно менее значительны, чем семантические отличия его межъязыковых вариантов (СЧАСТЬЕ – HAPPINESS – GLÜCK, НАДЕЖДА – HOPE – HOFFNUNG, ЧЕСТЬ – HONOUR – EHRE, РАДОСТЬ – JOY – FREUDE). С другой стороны, существуют концепты, аксиологическая интерпретация которых не всегда однозначна. Так, например, актуализация концептов ШТРАФ, БЛАЖЬ, НАЧАЛЬНИК, КОНФУЗ, ВЛАСТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ со знаком плюс или минус возможно только в дискурсе. Более того, в некоторых группах (телеономные, категориальные, ритуальные) вообще отсутствуют отрицательные концепты.

Решая задачу о том, что такое хорошо и что такое плохо, Б. Акунин приходит к простому и безэмоциональному выводу: хорошо – всё, помогающее раскрыть все самое ценное, что заложено в человеке природой; плохо – всё, что этому мешает [Акунин 2012: 12]. Очевидно, по принципу ценности делятся и ментальные единицы, среди которых антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

4. Выводы и перспективы. Концептуальный корпус языка имеет в своем составе не только положительно, но и отрицательно маркированные ментальные единицы – антиконцепты, которые являют собой лингво-психо-социо-культурный феномены, объективированные языковыми средствами и отражающие определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. Типологически – в зависимости от наличия / отсутствия (лакунальность), эксплицитности / имплицитности,

степени выраженности положительного противочлена, а также от своей включенности / невключенности в мезоконцепт (вышестоящую инстанцию, обобщающую идею) – антиконцепты могут быть партономическими, стигматическими и эссенциальными.

Партономический антиконцепт четко противопоставлен своему положительному контрагенту, оказывается прочно включенным в некоторую вышестоящую инстанцию и является, таким образом, одним из конструктивных компонентов соответствующей ментальной триады. В отличие от него, стигматический антиконцепт не является включенным в мезоконцепт (по крайней мере, эксплицитно), а существует как бы сам по себе, вне четко выраженной вовлеченности в вышестоящую идею. Эссенциальный антиконцепт обладает чертами и того, и другого: он соотносится со своим положительным противочленом опосредованно, через некоторую имплицитно подразумеваемую идею.

Перспективным представляется дальнейшее изучение концептуальных единиц под углом зрения аксиологической семантики на предмет их типологии, путей самоорганизации, межкультурного импорта-экспорта, миграции из одной социодискурсивной среды в другую, а также роли в лингвокогнитивном моделировании дискурсивных формаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б.. Аристономия / Борис Акунин (Чхартишвили Г.). – М. : "Захаров", 2012. – 432 с.
2. Гуреева Е.И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте объекта : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.И. Гуреева. – Челябинск : ЧГУ, 2007. – 22 с.
3. Борисов О.О. Мовні засоби вираження емоційного концепту СТРАХ: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англomовної художньої прози) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.О. Борисов. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – 20 с.
4. Бусурина Е.В. Лингвокультурема "дурак" в русской языковой картине мира : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.В. Бусурина. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2004. – 22 с.
5. Ваховська О.В. Поняттєва складова концепту SIN / ГРІХ в англomовній картині світу / О.В. Ваховська // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – С. 60–65.
6. Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачева. Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 39–60.

7. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74
8. Воробьева О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ, 2012. – № 3. – С. 10–17.
9. Горобець І.С. Мовні засоби відтворення концепту *злочинець* у сучасній американській художній прозі та газетній публіцистиці : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.С. Горобець. – Донецьк, 2007. – 20 с.
10. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта “смерть” / Э.В. Грабарова // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб научн. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 71–78.
11. Данилов К.В. Англо-американские правовые концепты Crime и Punishment в лингвокультурном освещении : учеб. пособие / К.В. Данилов. – Саратов : Научная книга, 2005. – 128 с.
12. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта “тоска” во французскую лингвокультуру : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.В. Димитрова. – Волгоград : ВГПУ, 2001. – 19 с.
13. Жулавська О.О. Актуалізація концепту ТЕРОРИЗМ у сучасному британському газетному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.О. Жулавська. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – 20 с.
14. Ермакова О.П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении / О.П. Ермакова // Русский язык сегодня сб. тр. ; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 375–385.
15. Заикина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С.В. Заикина. – Волгоград : ВГПУ, 2000. – 188 с.
16. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
17. Козина Н.О. Концепт ГРЕХ: этический аспект [Электронный ресурс] / Н.О. Козина. – Иванов. гос. ун-т. – Режим доступа : <http://www/isuct.ru/etc/antropos/section/2/kozina/htm>
18. Колесник О.С. Лінгвосеміотика міфологічного простору : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / А.С. Колесник. – К. : КНУ ім. Т.Г. Шевченка, 2012. – 36 с.
19. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г.В. Кусов. – Краснодар : КГТУ, 2004. – 245 с.

20. Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка»; 10.02.04 «Германские языки» / М.Б. Ларина. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 19 с.
21. Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М. : ЯРК, 1998. – С. 809–819.
22. Любезная Е.В. Антиномия “тьма – свет” в культурно-аксиологической парадигме русской ментальности (по рассказам Татьяны Толстой) / Е.В. Любезная // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы докл. III Междунар. научн. конф. в 3-х т. – Минск : МГЛУ, 2005. – Ч. 1. – С. 213–215.
23. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты “гордость” и “стыд” в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / С.А. Малахова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 25 с.
24. Морозова Е.И. Активизация концепта ЛОЖЬ в дискурсе / Е.И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 13–16.
25. Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И.В. Несветайлова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 18 с.
26. Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС; СПб. : Питер, 2008. – 368 с.
27. Онищук І.Ю. Емоціогенність концепту ВАМПІР в англійській мові й мовленні (на матеріалі словників та англomовних романів-трилерів : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.Ю. Онищук. – Одеса, 2006. – 20 с.
28. Павлова О.В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.В. Павлова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 25 с.
29. Передриенко Т.Ю. Концепты БОГ и дьявол в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Т.Ю. Передриенко. – Челябинск : Изд-во Южно-Уральск. гос. ун-та, 2006. – 23 с.
30. Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. Ю. Пономарева. – Тюмень : ТГУ, 2008. – 24 с.

31. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
32. Путий Е.С. Концептосистема немецкой фольклорной сказки / Е.С. Путий // Междунар. электр. сборник науч. трудов «Когниция, коммуникация, дискурс». – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2011. – № 3. – С. 53– 63.
33. Русина Е.В. Бинарные концепты «glory» и «disgrace» в американской лингвокультуре : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.В. Русина. – Волгоград : ВГПУ, 2008. – 18 с.
34. Семенчук А.Б. Інноваційні засоби об'єктивації концепту ТЕРОРИЗМ (на матеріалі англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.Б. Семенчук. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2010. – 20 с.
35. Степанов Ю.С. "Понятие", "Концепт", "Антиконцепт". Векторные явления в семантике / Ю.С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.-Калуга : ИП Кошелев, 2007. – С. 19-26.
36. Харитоновна В.Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.Б. Семенчук. – Воронеж : ВГУ, 2008. – 22 с.
37. Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Ю.А. Храмова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 21 с.

Анатолій Николаевич Приходько, доктор филол. наук, профессор кафедры германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru